

Виктор Григорьевич Утков был тружеником и скромником. Сочетание этих черт характера, в общем-то такое естественное, и всегда-то встречалось нечасто, в наше же время это редкость из редкостей.

Сочетание это определило и жизнь Уткова, образ его жизни, и его творчество. Если Утков писал произведение историческое, был ли это очерк или повесть о тобольском уроженце и интеллигенте Петре Ершове, который создал сказку «Конёк-Горбунок», – в любом случае Уткову можно было доверять во всём, от первого до последнего слова.

Ошибки, тем более сколько-нибудь существенные, в его работах исключены раз и навсегда.

И не только ошибки – исключено в них и всё то, чем писатель дорожит ради «завлекательности» своего произведения, ради возвышения его в ряду себе подобных, ради того, чтобы о произведении его когда-то и кем-то было сказано: «лихо написано!».

Никакой лихости! Никакого сверхлитературного нажима на литературу, на свою собственную личность и на личность читателя.

И это – при очень тонком восприятии Утковым поэзии, её игры словами, понятиями и звуками, при наличии явного его интереса к фантастике, научной – более чем к какой-либо другой.

Виктор Утков был учителем, был наставником для многих и многих молодых писателей, но не на долгий срок: едва писатель становился на ноги, едва только издавал одну-другую книжку, как уже скромность учителя, строгость его оценок и требовательность становилась ему в тягость, он своего учителя покидал. Чаще всего – навсегда. Но бывало и иначе: в особенно трудные моменты своей жиз-

* Публикуется впервые. Текст передан О. В. Устиновой-Утковой.

ни уже немало преуспевший ученик вдруг – почему-то?! – вспомнил своего наставника и вновь являлся к нему.

И Виктор Утков принимал его запросто, не вспоминая ничего лишнего в этой ситуации, советовал, помогал и ждал:

– Скоро сгинет с глаз моих снова... Ну и что?

Литературу Сибири, и не только художественную, но и краеведческую, и историческую, он знал прекрасно. Знал, можно сказать, наизусть.

В любой день и час можно было снять трубку, позвонить и спросить:

– Виктор! А кто был городским головой в Томске в 1725 году?

– А какая численность населения тобольского воеводства была при князе Гагарине?

– А какие партизанские отряды действовали под Тарой во время Гражданской войны?

Если уж ответ следовал не сразу, то вскоре:

– Подожди минут пять. Через пять минут – выясню!

Есть – вернее, были – в русской литературе такие писатели-художники-историки-краеведы-библиографы-интеллигенты, особый и неповторимый тип, который к нашему времени мало того что вымер, исчез едва ли не до последнего человека, но остался даже и не вписанным в нашу литературу, не стал её героем, персонажем, хотя бы и второстепенным действующим лицом.

Как это жаль!

И в каком мы, лично я долгу остались перед такой вот скромной, образованной, преданной своему народу, а делу его просвещения прежде всего – интеллигенцией! Невосполним этот долг, да и трудно выполним уже нынче.

С моим поколением уйдут уже и не сами эти интеллигенты, это произошло давно, в 1937 году особенно заметен был такой процесс, – уйдёт даже память о них.

Я-то ведь скольких их знал?

Половина, больше, учителей Барнаульской школы, в которой я учился, была именно из них, из этого типа.

И среди врачей они были.

О работниках музеев, всякого рода обществ любителей природы, о доморощенных, своих – сибирских путешественниках, которые каждое лето в отпускное время одни или же с группой школьников

пускались в путешествия по Алтаю, в низовья Оби, в верховья Абакана, – обо всех этих людях и говорить не приходится: всё тот же, всё тот же тип, всё та же скромность, та же преданность делу и полное, полнейшее отсутствие какой бы то ни было амбициозности.

Последним, кого я знал из числа этих людей, был Виктор Григорьевич Утков.

И когда я думаю, когда вспоминаю о нём, хочется верить, что есть всё-таки ещё надежда на возрождение таких людей, каким был он.

Нет, не физическое возрождение я имею в виду – поколения давным-давно не повторяются, для повторения шансов остаётся чем дальше, тем меньше, – я имею в виду документы, этими людьми оставленные: дневники, очерки культурной и экономической жизни, отчёты статистические, мемуары и записки путешественников.

Ну и, конечно, книги.

Книги Виктора Уткова приходят мне на память в этом ряду прежде всего.

